

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЧАСТНОПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

STATE INFLUENCE ON A PRIVATE LAW MECHANISM FOR THE PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS

K. Kashaev

Summary. The article examines the peculiarities of the state's influence on the private law mechanism for the protection of property rights, which consists in the fact that the state is obliged to ensure the proper security of civil turnover; formal certainty and accessibility of the private law mechanism for the protection of property rights through law-making and the administration of justice. It is noted that the criterion for the proper performance of this duty is the balance of private and public interests, even if they have the opposite orientation. The author comes to the conclusion that the state influence on the private law mechanism for property rights protection strengthens it, giving it features of formal certainty and legitimacy. By creating legal norms regulating the private law mechanism for the protection of property rights, the quality of formal certainty of such a mechanism is ensured. And by making decisions by the court on relevant disputes, the private law mechanism is given the quality of legitimacy in the sense of citizens' trust, their conviction in the guarantee and accessibility of a private law mechanism for the protection of property rights.

Keywords: property right, protection of property rights, mechanism for the protection of property rights, private law mechanism for the protection of property rights.

Кашаев Камиль Альбертович

первый проректор,

Государственный университет просвещения, г. Москва

rukashaeva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния государства на частноправовой механизм защиты права собственности, который заключается в том, что на государстве лежит обязанность надлежащего обеспечения безопасности гражданского оборота; формальной определенности и доступности частноправового механизма защиты права собственности посредством правотворчества и отправления правосудия. Отмечается, что критерием надлежащего выполнения этой обязанности является сбалансированность частных и публичных интересов, хотя бы и имеющих противоположную направленность. Автор приходит к выводу, что государственное влияние на частноправовой механизм защиты права собственности усиливает его, придавая черты формальной определенности и легитимности. Путем создания правовых норм, регулирующих частноправовой механизм защиты права собственности, обеспечивается качество формальной определенности такого механизма. А посредством вынесения судом решений по соответствующим спорам частноправовому механизму придается качество легитимности в смысле доверия граждан, их убежденности в гарантированности и доступности частноправового механизма защиты права собственности.

Ключевые слова: право собственности, защита права собственности, механизм защиты права собственности, частноправовой механизм защиты права собственности.

Изучение государственного влияния на частноправовой механизм защиты права собственности целесообразно предварить некоторыми замечаниями относительно генезиса юридических представлений о разделении частного и общего, индивидуального и коллективного, а также критериев, на основании которых проводится демаркационная линия между ними.

В цивилистическом дискурсе при раскрытии обозначенной темы давно уже стал общим местом обращение к истории юриспруденции, со ссылками, в частности, на авторитетные мнения римского юриста Домиция Ульпиана и отечественного правоведа И.А. Покровского.

По общеизвестной характеристике первого из них, публичное право (*publicum ius*) соотносимо с положением римского государства, а право частное (*privatum ius*) — с пользой отдельных лиц, хотя существует полезное в общественном отношении и полезное в частном отношении.

В продолжение этих мыслей автор популярного учебника по истории римского права И.А. Покровский в качестве критерия разделения между частным и публичным правом отмечал приемы юридической децентрализации и юридической централизации [1, 154].

Как считал И.А. Покровский, сфера частной инициативы имеет место быть исключительно при условии наличия большого количества небольших автономных центров. Такие центры осуществляют самостоятельное регулирование складывающихся при их участии отношений. Такие отношения формируются на основании принципа координации. Инструмент юридической децентрализации позволяет сформировать институт гражданского права — *jus privatum* [1, 155].

Далее, автор указывает на то, что к автономным центрам притягиваются отдельные имущественные объекты. Все это приводит к формированию специальной экономической сферы, представленной отношениями,

хозяйствованием и имуществом. Между указанными центрами формируются также хозяйственные нити, что определяет возможность транспортировки имущественной массы между сферами. Автор также сравнивает центры с отдельными клетками живого организма [1, 156].

Система публичного права, напротив, может быть организовано только в соответствии с принципом юридической централизации. Основное значение имеют принципы соподчинения и субординации. С целью регулирования используются инструменты принуждения. Частные субъекты лишены возможности видоизменять какие-либо обстоятельства. Существует единый центр, представленный государством, от которого исходят все волевые решения.

Принятые в качестве аксиоматических, приведенные выше критерии разграничения частного и публичного права, отождествляемого, соответственно, с защитой частных либо публичных интересов, использовались в самых разных сугубо исследовательских и/или практикоориентированных целях, однако общее направление дискуссий по данному поводу заключалось не столько в констатации разделения, сколько, напротив, в установлении взаимопроникновений, в поисках диалектики связей между публичным и частным, нередко не просто сочетаемом в одном и том же правовом феномене, но и трансформируемом одно в другое.

Разумеется, никем не ставится под сомнение наличие частного и публичного интереса, каждый из которых защищен правом, с использованием в этих целях императивного либо диспозитивного метода регулирования, а также специфической для частного или публичного регулирования комбинации дозволений, запретов и обязанностей.

Вместе с тем стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Обычно мы считаем, что гражданское право призвано защищать частные интересы, а если в нормах гражданского права каким-то образом, прямо или косвенно, получит закрепление государственный (он же публичный) интерес, то одного лишь этого факта будет достаточно, чтобы считать интерес частным, ибо он выражен в нормах гражданского права. В таком случае мы скажем, что демаркация частного и публичного интереса проходит по формальному признаку — зависит от того, в составе какого кодифицированного нормативного правового акта находится норма, воплощающая этот интерес.

Задавшись вопросом, верно ли это утверждение, рассмотрим Уголовный кодекс Российской Федерации¹,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.

нормы которого — и это тоже никем не оспаривается — являются феноменами публичного порядка, так как защищают государственные и иные публичные интересы. Но в Особенной части УК РФ находим, например, описание составов преступлений против личности и видим, что каждая норма вроде бы и защищает публичный интерес, с позиций которого определяет, какие деяния являются преступными — и одновременно она же и служит защите частных интересов — жизни, здоровья, чести, достоинства, семьи, детей.

Отсюда следует тот самый вывод, ради которого мы и давали эти предварительные пояснения, а именно: ввиду эластичности и подвижности границ между областями частного и публичного регулирования постановка вопроса о государственном влиянии на частноправовой механизм защиты права собственности сама по себе не означает, что этот механизм как таковой не эффективен, а работать начинает там и тогда, где и когда попадает в сферу влияния государства. Подчеркнем: в результате государственного влияния частноправовой механизм не меняет своей природы децентрализованного юридического регулирования. Другое дело, что между частным и публичным интересом нет раз и навсегда установленной жесткой демаркации.

Необходимо учесть этот тезис потому, что вопрос о влиянии государства на частноправовой механизм защиты права собственности является дискуссионным, и при его обсуждении иногда допускается логико-методологическая ошибка, состоящая в сугубо формальном, механическом отнесении всего, что маркировано термином «государство», к области исключительно публичных интересов. Государственное влияние — все равно что «дар золотого прикосновения» у царя Мидаса: автоматически «опубличивается» любая сфера, если только она попадает под влияние государства.

Между тем государственное влияние — это не «перемещение» частноправового механизма защиты права собственности целиком в плоскость публичных интересов, а именно гарантия надлежащей организации и функционирования этого механизма, обеспечение надежности средств и способов, предназначенных для защиты частного интереса.

Как свидетельствует исторический опыт, в России такие гарантии были прочными далеко не всегда. В период Российской империи сложился патримониальный режим, предоставлявший право управления и право владения имуществом исключительно монархии. Даже дворяне, относящиеся к привилегированным социальным стратам, получили право собственности на землю только в 1795 году, в порядке «дарованных вольностей».

Между тем суть «священности» права собственности состоит в том, что собственность является экономиче-

ской основой свободы. Чтобы почувствовать себя свободным, нужно в первую очередь иметь возможность полноправно владеть, пользоваться и распоряжаться базовыми материальными благами.

Исторически развитие полноценного права частной собственности было затруднено тем, что право управления и право собственности фактически находились в одних и тех же руках правящего монарха.

В восемнадцатом-девятнадцатом столетии наиболее крупными промышленниками считались представители семейства Демидовых и Строгановых. На протяжении нескольких поколений представители данных семей занимались добычей природных ресурсов. Территории для добычи или обработки предоставлялись промышленникам непосредственно государством. Несколько позже указанные семьи смогли получить дворянский титул. Следует подчеркнуть, что данное обстоятельство было экстраординарным, подобного рода подъем по социальной лестнице встречался крайне редко.

Указанные семьи смогли создать целые корпорации, которые аккумулировали все основные бизнес-ресурсы. На практическом опыте семьям удалось доказать, что подобный организационный тип промышленной деятельности позволяет аккумулировать инвестиции. Работа этих корпораций определила появление большого количества других предприятий, в т.ч. пароходных компаний, кредитных учреждений и т.д.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период институт права собственности имел узконаправленное развитие. Государство стремилось сохранить за собой права по контролю за количеством и распределением активов. Достаточно часто встречался произвол представителей власти. Осознание наличия большого количества экономических преимуществ от организации промышленной деятельности подобным образом способствовало институционализации предпринимательской деятельности. Она приняла корпоративную форму. Государство при этом сохраняло настороженность в отношении быстро развивающихся экономических отношений. Все это свидетельствует о наличии признаков социальной нестабильности.

Для того, чтобы охарактеризовать происходящие в экономической сфере изменения наиболее точно, целесообразно обратиться к содержанию фрагмента из газеты «Ведомости».

В одном из номеров данной газеты была процитирована речь Егора Канкрин, который занимал должность министра финансов во времена правления Николая I. Министр указывал на то, что в момент создания новых корпораций правительство должно проявлять особую

осторожность. Специальные меры должны быть направлены на обеспечение защищенности инвесторов от мошеннических и спекулятивных схем. Представлялось, что тщательный контроль, даже если он приведет к необоснованным отказам в организации добросовестных компаний, является необходимой мерой.

В период с 1862 по 1878 г. министром финансов был Михаил Рейтерн, затем пост занял его последователь — Сергей Витте. Оба министра, с одной стороны, всестороннее поддерживали экономическое развитие. Однако права собственности все еще находились в условиях ограничений со стороны государственной власти.

Так, представители коммерческих банков неоднократно отмечали, что российским правительством введены столь жесткие ограничения, которые не виданы в европейских государствах. В качестве примера таких ограничений можно привести установление определенного максимального размера учредительного капитала. Возможность уменьшения или увеличения капитала была ограничена.

Стремление государственной власти вмешаться в нормальное течение экономического развития проявлялась в нарушение законов, которые, казалось бы, имели юридическую силу и признавались. Предприниматели утратили возможность точно установить размер риска и предопределить предстоящие расходы. В рассматриваемый период было зафиксировано несколько экономических кризисов, которые оказали негативное влияние на ряд корпораций. В нарушение уставного регламента Государственный банк изредка предоставлял неуставные ссуды с целью восстановления платежеспособности таких корпораций. Однако «милость» банка была редким явлением, как правило, большинство компаний находилось на грани разорения.

В России советского периода наблюдалась схожая ситуация — в том смысле, что право собственности, частное по своей юридической природе, было опубличено, так как фактически только государство обладало и правом управления, и правом собственности одновременно. Как следствие, право собственности в его истинном юридическом смысле оставалось слабо защищенным и не развивалось.

Такие реалии способствовали укоренению в общественном сознании стереотипа, что имущественный интерес в праве собственности «не делится» на частный и публичный. Как заявил в одном из своих интервью 2007 года владелец металлургического холдинга «Русал» Олег Дерипаска, «если государство скажет, что мы должны его [«Русал»] отдать, мы его отдадим. Я не отделяю себя от государства. У меня нет других интересов».

Итак, незащищенность права собственности исторически стала следствием излишнего вмешательства государства, своего рода административной опеки в условиях неразделенности государственной власти. При таких обстоятельствах государственные гарантии соблюдения прав собственности были объективно невозможны.

Между тем надлежащие гарантии права собственности, производными от которых является в том числе и частноправовой механизм его защиты, могут быть обеспечены только там и тогда, где и когда правопорядок характеризуется системной взаимосвязью принципов верховенства права и защиты собственности с принципом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

В таком аспекте государственное влияние на частноправовой механизм защиты права собственности заключается в обеспечении безопасности гражданского оборота. Функционально это реализуется на основе конституционных принципов разделения властей и верховенства права через специфические государственные функции правотворчества и отправления правосудия.

Исходя из того, что государственное влияние на частноправовой механизм защиты права собственности реализуется через правотворчество и правосудие, рассмотрим их по порядку.

Правотворчество представляет собой монопольно государственную деятельность по созданию, изменению и отмене юридических норм, которые в результате получают закрепление либо в тексте закона, либо в тексте подзаконного нормативного правового акта, издаваемого на основе и во исполнение закона.

В любом случае в правотворчестве отражены изменяющиеся социальные, экономические и иные юридически значимые реалии жизнедеятельности общества и вместе с тем так или иначе зафиксирован достигнутый к моменту издания нормативного правового акта уровень развития общественных отношений, подлежащих правовому урегулированию.

При идеальном положении дел правотворчество:

во-первых, как можно более точно соответствует сложившемуся уровню социальных отношений, регулируемых нормами права;

во-вторых, воплощает выбор такого варианта правового регулирования, который в максимальной степени отвечает интересам всех социальных страт и групп, способствуя тем самым развитию данного общества;

в-третьих, с технико-юридической точки зрения осуществляется с соблюдением общеправового критерия

формальной определенности правовой нормы, что, в свою очередь, требует выполнения специальных правил составления нормативных правовых текстов.

В правотворческой деятельности общеправовой критерий формальной определенности устанавливается в силу конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства и выражается в том, что осуществляемое законодателем правовое регулирование должно отвечать требованиям ясности и непротиворечивости, а механизм его действия должен быть понятен субъектам правоотношений из содержания нормы или системы норм, находящихся в очевидной взаимосвязи, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при едином образном понимании и толковании нормы всеми правоприменителями (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года №15-П², от 23 декабря 2013 года №29-П³, от 22 апреля 2014 года №12-П⁴ и другие).

Таким образом, юридическое равенство, или справедливость, которая означает, что различное правовое положение лиц, находящихся в одинаковых или сходных ситуациях, не допускается — возможно лишь при условии соблюдения в правотворческой деятельности требований формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования.

Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (части 1 и 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации⁵).

При этом предполагается, что при осуществлении правосудия суд:

не допускает расширительного истолкования запретов, предусмотренных законом;

в результате применения закона назначает только такие ограничительные меры, которые соразмерны пре-

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года №15-П // Собрание законодательства РФ. 08.07.2013. № 27. Ст. 3647.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2013 года №29-П // Собрание законодательства РФ. 06.01.2014. № 1. Ст. 79.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2014 года №12-П // Собрание законодательства РФ. 28.04.2014. № 17. Ст. 2081

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.06.2024)

следуемым законным целям; а если указанные цели могут быть достигнуты иными мерами, то суд не применяет ограничения.

При этом взаимодействие законодательной и судебной властей выражается в том, что надлежащее применение ограничений зависит не только от суда, но и от законодателя.

В части надлежащего применения ограничений действует следующая общеобязательная позиция Конституционного Суда Российской Федерации: «ограничения права собственности, продиктованные публичными интересами, требуют достижения баланса личных и общих интересов при неукоснительном соблюдении конституционно обоснованных принципов справедливости, разумности и соразмерности. Эффективной гарантией этого выступает установление надлежащих процедур ограничения права, непосредственно обеспечивающих такой баланс. Законодатель, призванный реализовывать данную гарантию, должен руководствоваться критериями правовой определенности, стабильности и предсказуемости в этой сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все условия для защиты права собственности и иных имущественных прав» (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года №11-П⁶ и от 10 марта 2016 года №7-П⁷).

По мнению автора, наиболее важной характеристикой правосудия является его справедливость. Это отнюдь не пафосное слово из какой-нибудь агитационной речи, а вполне поддающийся формализации критерий. Справедливость выражается в конкретном деле как правильно найденный судом баланс интересов сторон, а также и третьих лиц, если их интересы прямо либо косвенно затрагиваются в данной юрисдикционной ситуации.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П // Собрание законодательства РФ. 21.05.2012. №21. Ст. 2697

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года №7-П // Собрание законодательства РФ. 21.03.2016. № 12. Ст. 1707

Изложенное позволяет нам сделать некоторые выводы:

Влияние государства на частноправовой механизм защиты права собственности заключается в том, что на государстве лежит обязанность надлежащего обеспечения:

- безопасности гражданского оборота;
- формальной определенности и доступности частноправового механизма защиты права собственности.

Реализация этой обязанности осуществляется посредством правотворчества и отправления правосудия.

Критерием надлежащего выполнения этой обязанности является сбалансированность частных и публичных интересов, хотя бы и имеющих противоположную направленность.

Такая сбалансированность является справедливостью в юридическом смысле данного понятия. Требование справедливости предъясняется как к правотворчеству (справедливость закона), так и к осуществлению правосудия (справедливость решения суда).

Принимая во внимание изложенное, можем утверждать, что государственное влияние на частноправовой механизм защиты права собственности усиливает его, придавая черты формальной определенности и легитимности. Защита права собственности посредством такого механизма — это не кулуарное согласование интересов, как можно было бы предположить, основываясь лишь на определении «частноправовой» и идее диспозитивности цивилистического регулирования. Путем создания правовых норм, регулирующих частноправовой механизм защиты права собственности, обеспечивается качество формальной определенности такого механизма. А посредством вынесения судом решений по соответствующим спорам частноправовому механизму придается качество легитимности в смысле доверия граждан, их убежденности в гарантированности и доступности частноправового механизма защиты права собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. — М.: Статут, 1998. — 353 с. — (Классика рос. цивилистики).